

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-4-26-74
EDN QDJRRY

**Метатекстуальность как форма диаспорического самосознания:
литература третьей волны эмиграции**

Михаил Юрьевич Егоров

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Аннотация. Статья посвящена анализу метатекстуальности как формы выражения диаспорического самосознания в произведениях писателей-эмигрантов третьей волны. В исследовании рассматривается малоизученный феномен метаповествования в контексте уникального экзистенциального положения эмигранта, который переживает культурный разрыв между страной происхождения и новой родиной. Основная задача работы – продемонстрировать, как метатекстуальные техники, используемые авторами третьей волны, выражают специфическое диаспорическое сознание. Исследование показывает, что метанаррация функционирует не только как техника литературной рефлексии, но и как выражение бытия субъекта в пространстве амбивалентности и культурного отчуждения. Положение эмигрантов третьей волны предполагает осознание расщепленности между двумя культурами, двумя языками и двумя системами значений, что неизбежно порождает потребность в постоянной рефлексии об условиях высказывания. Особое внимание в работе уделяется полифоничности в структуре произведений, концепциям промежуточного положения в межкультурном диалоге и механизмам деколонизации дискурса. В статье анализируется проза В. Аксенова, В. Войновича, С. Довлатова, Э. Лимонова, А. Синявского, С. Соколова. Проведенное исследование позволяет продемонстрировать, что метаповествование в произведениях писателей-эмигрантов третьей волны представляет собой органичный способ выражения амбивалентности, структурирующей сознание человека, лишенного возможности абсолютной принадлежности к единственной культурной системе. Таким образом, рассматриваемая литературная техника функционирует как форма высказывания, которая осознает и демонстрирует условность своего собственного выражения, одновременно восстанавливая право на высказывание в условиях культурного разрыва.

Ключевые слова: метаповествование; метатекстуальность; третья волна эмиграции; В. Аксенов; В. Войнович; С. Довлатов; Э. Лимонов; А. Синявский; С. Соколов

Для цитирования: Егоров М. Ю. Метатекстуальность как форма диаспорического самосознания: литература третьей волны эмиграции // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 4 (26). С. 74–89. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-74>. <https://elibrary.ru/QDJRRY>.

Original article

**Metatextuality as a form of diasporic self-consciousness:
the third emigration wave literature**

Mikhail Yu. Egorov

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Abstract. The article analyzes metatextuality as a form of expressing diasporic identity in the works of third wave emigrant writers. The study examines the phenomenon of meta-narrative, which hasn't been studied enough, in the context of the emigrant's unique existential situation of facing a cultural gap between their native country and the new homeland. The study aims to demonstrate how the metatextual techniques used by third wave authors express a specific diasporic consciousness. The author shows that metanarrative functions not only as a literary reflection technique, but also as an expression of the subject's being in the ambivalent and culturally alienated space. The situation of third wave emigrants implies the awareness of the split between the two cultures, the two languages and the two value systems, which inevitably results in the need for constant reflection on the discourse context. The author pays special attention to polyphony in the structure of the works, to the concepts of the situation in between the two cultures during the intercultural dialogue, and to the mechanisms of discourse decolonization. The analysis is given of the prose by V. Aksenov, V. Voynovich, S. Dovlatov, E. Limonov, A. Sinyavsky, S. Sokolov. This study demonstrates that metanarrative in the works of third-wave emigrant writers is an organic way to express the ambivalence structuring the mind of a person deprived of the complete belonging to a single cultural system. Therefore, the literary technique in question functions as a form of expression that recognizes and demonstrates its own conventionality, while at the same time reclaiming the right to speak in the context of disconnected cultures.

Key words: metanarrative; metatextuality; third wave of emigration; V. Aksyonov; V. Voinovich; S. Dovlatov; E. Limonov; A. Sinyavsky; S. Sokolov

For citation: Egorov M. Yu. Metatextuality as a form of diasporic self-consciousness: the third emigration wave literature. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 4(26): 74–89. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-74>. <https://elibrary.ru/QDJRRY>.

Введение

Готовых теоретических инструментов для анализа метатекстуаль-

ности в литературных произведениях существует не так уж много. Несомненно, феномен метатексту-

---

*Метатекстуальность как форма диаспорического самосознания:
литература третьей волны эмиграции*

альности в литературе третьей волны русской эмиграции требует особого изучения. С другой стороны, всесторонней истории эмигрантской литературы третьей волны так и не существует. При этом писатели диаспоры систематически использовали метатекстуальность в своих произведениях. Это указывает на необходимость изучения связи между спецификой творчества и условиями положения эмигранта, экзистенциальными предпосылками положения. Как показывают произведения писателей третьей волны эмиграции, положение эмигранта в условиях культурного разрыва между страной происхождения и новой родиной неизбежно порождает потребность в размышлениях об условиях высказывания, о самой возможности говорить.

Ж. Женетт в своей книге «Палимпсесты: литература второй степени» выделяет пять типов транстекстуальных отношений, которые включают метатекстуальность. Метатекстуальность трактуется ученым очень широко, под метатекстуальностью он подразумевает комментирование, содержащееся в одном тексте, по отношению к другому: «... это отношения, которые чаще всего обозначаются как “комментарий”. Они связывают данный текст с другим, о котором в нем говорится, не обязательно цитируя его (не обращаясь к нему), а иногда даже не называя его» [Genette, 1997, p. 4]. Предположим, что в литературе эмиграции метатекстуаль-

ность функционирует не только как техника литературной рефлексии, но и как онтологический способ выражения позиции субъекта, существующего в условиях амбивалентности и культурного отчуждения.

Третья волна русской эмиграции отличается от предыдущих особым типом разрыва с родиной [Матич, 2014]. Эмигранты третьей волны стремились прежде всего ускользнуть от монопольного государственного контроля над творческими процессами, от невозможности творчества в условиях цензуры и идеологической регламентации. Писатели, которые оказались в третьей волне эмиграции (В. Аксенов, И. Бродский, В. Войнович, С. Довлатов, Э. Лимонов, А. Синявский, С. Соколов и многие другие), находились в конфликтных отношениях не столько с советской политической государственной системой, сколько с советской системой культуры. Вспомним высказывание А. Синявского: «И поскольку политика и социальное устройство общества это не моя специальность, то можно сказать в виде шутки, что у меня с советской властью вышли в основном эстетические разногласия» [Синявский, 1985, с. 132].

Такая отличительная черта третьей волны эмиграции не могла не определить специфическую поэтику литературных произведений. В литературе эмиграции третьей волны метатекстуальность может функционировать как demonstra-

ция технического мастерства или формального экспериментирования, так и как необходимое выражение расщепленного диаспорического сознания диаспоры. Метаповествование (повествование о том, как ведется или конструируется повествование) становится не вычурным литературным приемом, а структурной необходимостью. Внутри самого текста произведения возникает голос, который комментирует текст, неотъемлемой частью которого он является, размышляет о его структуре и пытается осмыслить саму возможность повествования. Таким образом, возникает задача продемонстрировать, как метаповествовательные техники, используемые писателями третьей волны эмиграции, выражают диаспорическое самосознание.

Методы исследования

Создание этой статьи было во многом обусловлено применением при анализе художественных текстов структуралистского инструментария. В качестве основополагающего отечественной разработки в данной области следует отметить книгу Ю. М. Лотмана «Структуру художественного текста» [Лотман, 1970]. Проведенное исследование опирается на комплексные рассматривания феномена метатекстуальности, представленные в трудах П. Во «Метафикшн» [Waugh, 1984] и Л. Хатчен «Нарциссический нарратив: Метафигуральный парадокс» [Hutcheon, 1991]. Особое

значение приобретает концепция метаповествования, сформулированная П. Во: «Метафикшн – это термин, обозначающий вымышленный текст, который сознательно и систематически привлекает внимание к своему статусу артефакта, чтобы провоцировать вопросы об отношениях между вымыслом и реальностью» [Waugh, 1984, p. 2].

Результаты исследования

Эпоху, совпадающую с третьей волной эмиграции, социологи называют поздним модерном. Проблема рефлексивности в позднем модерне приобретает особое значение. Исследуя поздний модерн, Э. Гидденс развивает концепцию самоидентификации как непрерывную рефлексивность, в рамках которой, в соответствии с меняющимися социальными условиями, индивид постоянно конструирует и реконструирует свою собственную биографию: «Рефлексивность современной социальной жизни заключается в том факте, что социальные практики постоянно исследуются и реформируются в свете вновь поступающей информации об этих же практиках, меняясь в результате этого в самых своих основах» [Гидденс, 2011, с. 156; Гидденс, 2003]. Эмигранта рефлексивность погружает в тревожное состояние, так как его положение амбивалентно, поскольку эмигрант существует вне своего покинутого домашнего пространства, но и не

полностью интегрирован в культуру принимающей страны.

Эта амбивалентность не является временным состоянием, которое можно преодолеть путем адаптации. Амбивалентность становится условием, структурирующим диаспорическое сознание. В таком контексте рефлексивность, самоосознание становятся не просто осознанием социальных условий, но и осознанием собственной постоянной неполноты, фрагментации и невозможности претендовать на целостную, органичную идентичность. В этом смысле метаповествование становится формой рефлексивности на уровне художественного текста. Метаповествование позволяет писателю одновременно рассказывать историю и комментировать условия ее рассказывания, демонстрируя в самом тексте механизм конструирования идентичности субъекта диаспоры. В этом процессе художественный текст становится местом, где разыгрывается невозможность целостного и полного самовыражения.

Кризис репрезентации в литературе третьей волны эмиграции отличается от западного постмодернистского скептицизма по возможности адекватного отражения реальности: «Постмодернизм отказывается от признания репрезентативной функции языка и следует за постструктурализмом в идее о том, что язык скорее конституирует, чем отражает мир, и поэтому знание всегда искажается языком» [Bertens, 1995, с. 6]. Если для за-

падных постмодернистов вопрос репрезентации остается в значительной степени формально-технической проблемой, касающейся взаимоотношений между языком и реальностью, то для авторов третьей волны особая рефлексивность является экзистенциальной необходимостью. Невозможность полного и ясного представления опыта проистекает не из теоретической убежденности в фундаментальной неполноте языка как такового (как это было у постмодернистов), а из практического осознания того, что позиция говорящего-эмигранта раздвоена. Он существует в пространстве между двумя культурами, двумя языками, двумя системами смыслов, ни к одной из которых он не может принадлежать полностью. Убедительным способом представления этого разделения становится метаповествование. Повествование о событиях переплетается с повествованием о том, как эти события рассказываются, почему их нельзя рассказать полностью и последовательно, какие условия делают высказывание возможным и одновременно невозможным.

Истоки метатекстуальности в литературе эмиграции третьей волны восходят к концепции полифонии в художественном дискурсе М. Бахтина [Бахтин, 2002]. Характеризуя творческое видение Ф. Достоевского, М. Бахтин писал: «...все эти противоречия и раздвоенности не становились диалекти-

ческими, не приводились в движение по временному пути, по становящемуся ряду, но развертывались в одной плоскости как рядом стоящие или противостоящие, как согласные, но не сливающиеся или как безысходно противоречивые, как вечная гармония неслиянных голосов или как их неумолчный и безысходный спор» [Бахтин, 2002, с. 39]. М. Бахтин определяет полифонию как сосуществование в произведении множества равнозначных голосов и сознаний, каждое из которых сохраняет независимость и не растворяется в авторском сознании. Сосуществование множества голосов означает, что ни один голос не может претендовать на истинность, ни один голос не может монополизировать повествование. Для писателей третьей волны полифонизм трансформируется в форму метаповествования. В полифонической структуре метаповествования каждый голос одновременно повествует и комментирует других рассказчиков, каждый существует внутри нарратива, одновременно размышляя о нем. Создается метанарративное напряжение внутри произведения между высказыванием и его пониманием.

Полифонизм, таким образом, становится средством артикуляции диаспорического сознания посредством метаповествования. Позиция эмигранта расщеплена между несколькими голосами – голосом советской памяти, голосом западного настоящего, голосом критической

дистанции. Полифоническая структура позволяет всем этим голосам звучать одновременно, не синтезируясь в один голос. Многоголосие формально связано с метанаррацией: произведение не только рассказывает историю, но одновременно показывает, как эта история рассказывается, почему ее нельзя рассказывать одним голосом, почему каждый голос должен быть услышан и одновременно подвергнут сомнению.

В романе «Школа для дураков» С. Соколов [Соколов, 1990] радикально воплощает принцип полифонии, связывая полифоническую структуру с метаповествованием. Текст С. Соколова организован не как логическое развитие сюжета с четкими причинно-следственными связями, а как сбивчивое повествование, связанное с циклическими возвращениями к одним и тем же мотивам, образам и ситуациям. Рассказывающие голоса постоянно перебивают друг друга, цитируют друг друга, но самое главное, они постоянно комментируют друг друга, подвергая сомнению то, что было сказано другим голосом. Полифоническое многообразие голосов превращается в метатекстуальное устройство саморефлексии. Нарратору в романе ничего не стоит сказать, что он сам не уверен в том, о чем повествует: «Нет, так сразу не вспомнишь: плохая память на имена, да и что толку помнить все эти имена, фамилии – правда? Конечно, но если бы мы знали фамилию, то

было бы удобнее рассказывать. Но можно придумать условную фамилию, они – как ни крути – все условные, даже если настоящие. Но с другой стороны, если назвать его условной фамилией, подумают, будто мы что-то тут сочиняем, пытаемся кого-то обмануть, ввести в заблуждение, а нам скрывать совершенно нечего...» [Соколов, 1990, с. 14]. Метapoвeствoвaтeльнaя рефлексия в романе С. Соколова демонстрирует, что повествование о событиях неразрывно связано с повествованием о невозможности цельного высказывания.

Аналогичным образом В. Аксенов действует в романе «Ожог», представляя коллективный нарратив с пятью главными протагонистами (физиком Кунцером, саксофонистом Саблером, скульптором Хвастичевым, врачом Малкольмовым и писателем Пантелеем, носящими одно отчество Аполлинариевич) [Аксенов, 2011]. Показательную в этом смысле фразу содержит глава с характерным названием «Куча разноцветных котят на зеленой мокрой траве», в которой, видимо, всех пятерых поместили в милицкий изолятор: «Ситуация была вполне обычная: один жаловался на предательство, другой на бабу, третий на вспомогательную народную дружину четвертый изобрел, видите ли, ужасное оружие, а пятый оживил палача. Нормально» [Аксенов, 2011, с. 556]. Создаётся тем самым полифоническое пространство, где каждый го-

лос поддерживает специфический ход в сюжете произведения.

Полифоническая множественность голосов становится в эмиграционной литературе средством выражения того, что позиция диаспорического субъекта не может быть артикулирована единственным голосом, поскольку ситуация разрыва (эмигрантского) порождает внутреннюю полифонию. Каждый голос в полифоническом целом одновременно представляет собой рассказ о реальности и затрагивает метатекстуальный комментарий к этому повествованию. Никакой голос не может обладать монополией на истину. Каждое высказывание должно быть услышано в его условности и амбивалентности. Полифоничность становится метapoвeствoвaния метанаррации, структурой, в которой повествование и его критический анализ неразделимы.

Концепция «малой литературы», разработанная Ж. Делезом и Ф. Гваттари в их исследовании творчества Франца Кафки, позволяет пересмотреть метатекстуальность литературы эмиграции третьей волны в новом теоретическом свете [Делёз, 2015].

Ж. Делез и Ф. Гваттари пишут о детерриторизации языка в малой литературе. Писатели третьей волны эмиграции оказываются в положении, сходном с положением Ф. Кафки. Они не могут претендовать на полное владение каким-либо одним языковым пространством. Ф. Кафка писал по-немецки,

но был евреем, жившим в Праге на территории Австро-Венгрии. Он был «двухязычным» (в широком смысле) субъектом, существующим в промежутке между культурами: «В этом смысле Кафка определяет тупик, который закрывает доступ к письму для евреев Праги и делает их литературу чем-то невозможным: невозможность не писать, невозможность писать по-немецки, невозможность писать как-то по-другому» [Делёз, 2015, с. 20]. Писатели третьей волны эмиграции говорят по-русски, но из пространства, которое не принадлежит русскому языку, из пространства физической изоляции от Советского Союза, одновременно из пространства невозможности полной ассимиляции в западную культуру. Их язык подвергается детерриториализации, он теряет свою непосредственную связь с живой социальной почвой.

Эта детерриториализация языка напрямую связана с метаповествованием как формой рефлексии. Как утверждают Ж. Делёз и Ф. Гваттари: «Фактически, язык как правило компенсирует свою детерриторизацию ретерриторизацией в смысле. Перестав быть органом смысла, он становится инструментом Смысла» [Делёз, 2015, с. 25]. Если язык больше не привязан к определенной территории, то любое высказывание неизбежно начинается с размышления о том, как и почему оно стало возможным сейчас. Результатом детерриториализации является

метаповествование. Повествование в тексте начинается не только с событий, но и с того, как он создан текст. Метаповествование демонстрирует в самом тексте, что язык (в широком смысле слова) становится не совсем «своим», не вполне адекватным, не совсем живым инструментом. Такую форму осознали писатели третьей волны эмиграции, которые не только рассказывали истории, но и одновременно размышляли о том, как вообще можно рассказывать истории в таком положении.

Ярким примером здесь является роман Э. Лимонова «Это я – Эдичка» [Лимонов, 1992]. Для этого романа характерен особый язык с частными вкраплениями англицизмов: «“Вы имеете длинный жаркий день вокруг бассейна, и вы склонны, готовы иметь Ваш обычный любимый летний напиток. Но сегодня Вы чувствуете желание заколебаться. Итак, вы делаете кое-что другое. Вы имеете Кампари и Оранджус взамен...” Я никогда не имел длинного жаркого дня вокруг бассейна» [Лимонов, 1992, с. 322].

С. Довлатов в повести «Зона. Записки надзирателя» [Довлатов, 1991] проводит метаповествовательную рефлекссию над специфической семантикой лагерного языка, над тем, как язык отражает стирание границ между охранником и заключенным, жертвой и палачом. С. Довлатов показывает, как язык становится одновременно инструментом репрессий и инструментом,

с помощью которого можно раскрыть сам механизм репрессий, обнажить его логику: «Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключенными и надзирателями. ...Мы говорили на одном прибалтийском языке. Распевали одинаковые сентиментальные песни» [Довлатов, 1991, с. 35–36]. Структурно «Зона. Записки надзирателя» организована за счет использования писем автора издателью, которые сопровождают основной текст, поэтому в произведении постоянно комментируется процесс его создания, демонстрируется метанарративное осознание условности высказывания о советской действительности. Язык текста становится видимым, проблематичным, подверженным постоянной метанарративной рефлексии. Более того, текстуальность соединяется с физиологическим измерением: «Даже когда я физически страдал, мне было хорошо. Голод, боль, тоска – все становилось материалом неутомимого сознания. Фактически я уже писал. Моя литература стала дополнением к жизни. Дополнением, без которого жизнь оказывалась совершенно непотребной. Оставалось перенести все это на бумагу. Я пытался найти слова...» [Довлатов, 1991, с.18].

«Зона. Записки надзирателя» является автобиографическим произведением, как и роман «Это я – Эдичка», как и «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь», «История его слуги» – другие произве-

дения Э. Лимонова эмигрантского периода.

Автобиографичность творчества свойственна подавляющему большинству прозаиков третьей волны эмиграции. Без сомнения, автобиографичность напрямую связана с рефлексивностью героя и повествователя.

Роман А. Синявского «Спокойной ночи», аккумулирующий опыт прохождения советских лагерей, демонстрирует, как автобиографический акт может функционировать в качестве развернутого метаповествования о собственной невозможности [Терц, 2015]. А. Синявский постоянно размышляет о процессе превращения прожитой жизни в текст, о том, как повествуемое одновременно конструируется и разрушается в процессе повествования: «...Мое повествование, вижу, удаляется от меня прыжками кенгуру и возвращается вспять, падая к ногам, наподобие бумеранга. ...Былое непостижимо вне этих перемещений. Оно утекает у нас сквозь пальцы, как только мы начинаем строить ему памятник. В жажде рассказать по порядку, год за годом, день за днем, все, что выпало нам на веку, мы невольно кривим душой против фактической правды...» [Терц, 2015, с. 32]. Произведение демонстрирует дистанцию между пережитым опытом и его словесным представлением, дистанцию, которая не скрывается, а афишируется.

Когда А. Синявский пишет о личном опыте, он не просто вос-

производит воспоминания, одновременно он комментирует, раскрывает условность любого воспоминания, демонстрирует, что память не является нейтральным хранилищем прошлого, а конструируется в момент высказывания, каждый раз перестраивается заново в зависимости от позиции, занимаемой говорящим в настоящем времени. Метаповествование здесь намекает на то, что текст не просто рассказывает о прошлом, но одновременно повествует о том, как повествуется о прошлом, почему автобиографическое высказывание всегда содержит момент незавершенности. Эта метанарративная позиция отражает специфику диаспорического опыта А. Синаевского. Он пишет, находясь физически за пределами России, о прошлом, которое было переосмыслено с точки зрения лагерного опыта и опыта эмиграции. Автобиографический акт неизбежно становится актом интерпретации, переоценки, переписывания. Текст романа строится как борьба между желанием рассказать и осознанием невозможности честного рассказа, борьба, которая разворачивается внутри текста, демонстрируя себя читателю.

Классический роман предполагал внутреннюю логику развития сюжета, причинно-следственные связи между событиями, разрешение конфликта. Нарративные структуры в прозе третьей волны эмиграции часто организованы по принципам фрагментарности и

принципиальной незавершенности. Становясь не просто формальным приемом, фрагментарность функционирует как одно из средств реализации метаповествования, при которой текст демонстрирует свою собственную неполноту, свою собственную невозможность достижения целостности, и демонстрация происходит внутри самого текста.

Например, в романе «Ожог» В. Аксенов отказывается от связного линейного сюжета в пользу фрагментарного, полифонического повествования [Аксенов, 2011]. Например, в тексте могут внезапно появиться слова «От автора» и будет рассказана история, косвенно связанная с предшествующими и последующими страницами: «ОТ АВТОРА. В этом месте мы прервем телефонную бубню Геннадия Аполлинариевича для того, чтобы рассказать о любопытной связи явлений» [Аксенов, 2011, с. 80]. Или в начале «Книге второй» романа автор внезапно вторгается в повествование, нарушив целостный рассказ о героях: «Перед тем как приступить ко второй книге повествования, автор должен заявить, что претендует на чрезвычайное проникновение в глубину избранной им проблемы. Да существует ли вообще здесь какая-нибудь серьезная проблема? Обоснованы ли претензии автора на глубину?» [Аксенов, 2011, с. 265]. Фрагментарность в романе является одним из средств введения в текст метанаррации, что демонстрирует про-

цесс разрушения единства повествования. Фрагментарность отражает структуру самого диаспорического опыта. Опыт эмигранта не образует органического целого из-за постоянного существования в межкультурном пространстве. Этот опыт состоит из набора впечатлений, фрагментов памяти, отдельных эпизодов, которые трудно или невозможно синтезировать в единую телеологическую линию. Отказ от нарративного синтеза, таким образом, становится отказом от ложного объединения разнородного материала под видом органического единства. Метанаррация призвана продемонстрировать это. Текст показывает, что он не может достичь целостности, и эта демонстрация является частью текста, частью его конструкции.

Важным теоретическим инструментом для понимания диаспорического положения является концепция Х. Бхабхи о «третьем пространстве», хотя первоначально она была разработана в контексте постколониальных исследований [Bhabha, 1994]. Третье пространство – это не просто географическое промежуточное пространство, а особая позиция для высказывания, где традиционные оппозиции (свой-чужой, центр-периферия и т. д.) теряют абсолютную значимость и становятся динамичными, амбивалентными: «Третье пространство... создает дискурсивные условия высказывания, которые гарантируют, что значение и сим-

волы культуры не имеют изначального единства или неизменности; что даже одни и те же знаки могут быть присвоены, переведены, переосмыслены и прочитаны заново» [Bhabha, 1994, с. 37]. В третьем пространстве высказывание всегда раздвоено, всегда метанарративно в том смысле, что оно не может не содержать размышлений о своей собственной дислокации. Третье пространство порождает особую позицию субъекта, который существует в присутствии двух разных культур одновременно, но не может полностью идентифицировать себя ни с одной из них.

Писатель-эмигрант третьей волны принадлежит к третьему пространству. Он не может вернуться к первоначальному культурному состоянию (Советский Союз), которое недоступно как живое целое и существует исключительно в памяти и символических репрезентациях. Одновременно эмигрант не может полностью интегрироваться в западную культуру, оставаясь на ее периферии, воспринимаемый как «другой», как носитель иностранного опыта и языка. Его позиция такова, что она одновременно соприкасается с разными культурами, но не может претендовать на полную принадлежность ни к одной из них. Метанаррация становится единственным адекватным способом высказывания в третьем пространстве. Метанаррация позволяет человеку одновременно говорить и комментировать свою речь, форму-

лизовать проблемы не через отчаяние, а через сознательную саморефлексию.

Другой исследователь постколониализма Г. Спивак, анализируя проблемы репрезентации субалтернов (в русском не совсем корректном переводе – угнетенные), ставит фундаментальный вопрос: может ли угнетенный субъект вообще говорить, может ли его голос быть услышан в доминирующей системе? [Spivak, 1994; Спивак, 2022] «Не существует такого субалтерна, который мог бы сам донести знания о себе» [Spivak, 1994, с. 80] – истинные знания о субалтерне всегда ускользают от изучающего его (или эти знания даже могут быть искусственно сконструированы). Применительно к диаспорическому субъекту это становится вопросом: *может ли эмигрант, находящийся в амбивалентном месте, выразить свою собственную идентичность с помощью готовых культурных кодов, готовых нарративных форм?* Ответ, следующий из вышесказанного, таков: не может или, по крайней мере, не может этого сделать без осознания условности и принципиальной недостаточности любого высказывания.

Роман «Школе для дураков» С. Соколова воплощает такую амбивалентность [Соколов, 1990]. Главный герой Ученик Такой-то страдает диссоциативным расстройством, находясь в постоянном диалоге со второй половиной своей личности. Это психологическое

состояние является формальным воплощением положения третьего пространства. Герой не может выбрать один исключительный способ восприятия реальности, он одновременно живет во множественных темпоральностях (вчера, сегодня, завтра у него путаются), видит мир одновременно с разных точек зрения: «...будто все, что здесь происходит, есть, является, существует – действительно, на самом деле есть, является, существует. ...недавно (сию минуту, в скором времени) я плыл (плыву, буду плыть) на весельной лодке по большой реке. До этого (после этого) я много раз бывал (буду бывать) там и хорошо знаком с окрестностями. Была (есть, будет) очень хорошая погода, а река – тихая и широкая, а на берегу, на одном из берегов, куковала кукушка (кукует, будет куковать), и она, когда я бросил (брошу) весла, чтобы отдохнуть, напела (напоет) мне много лет жизни. Но это было (есть, будет) глупо с ее стороны, потому что я был совершенно уверен (уверен, буду уверен), что умру очень скоро, если уже не умер» [Соколов, 1990, с. 28]. Текст демонстрирует метаповествовательное осознание этой амбивалентности посредством комментария рассказчика к своему собственному видению, постановки такого видения под сомнение и одновременно его подтверждения. Это структурное воплощение невозможности говорить с какой-либо единственной позицией.

Отсюда вытекает необходимость метаповествования. Метаповествование становится средством говорения при сохранении критической дистанции от собственной речи. Метатекст демонстрирует, что субалтерн может говорить только в том случае, если это повествование одновременно комментирует его собственную условность, собственное положение в системе, которая его угнетает. Любое высказывание эмигрантов третьей волны о самих себе структурно расщеплено дистанцией, осознанием собственной амбивалентности. Указанное расщепление является не недостатком, а необходимым условием для ответственного высказывания.

В. Войнович в «Москве 2042» сатирически обыгрывает амбивалентность третьего пространства [Войнович, 1993]. Писатель Виталий Карцев во время путешествия в будущее обнаруживает, что Москва 2042 года представляет собой фантазмагорическое воплощение коммунизма, успешно построенного в одном городе благодаря полному слиянию партии, репрессивных органов и преобразованной церкви. Антиутопия демонстрирует саму суть проблемы: попытка преодолеть амбивалентность, выбрать единственную позицию приводит к катастрофическим результатам. Существовая в мире антиутопии, Карцев может критиковать его только метанарративно, показывая абсурдность происходящего, демонстрируя механизмы тоталитар-

ного спектакля единомыслия. В. Войнович посредством метанарративной структуры романа показывает, что истинной альтернативой абсурду тоталитаризма является сохранение амбивалентности, множественности голосов, возможности одновременно видеть ситуацию с разных позиций без попытки синтезировать их в единую истину (подробнее о метаповествовании в произведениях В. Войновича см. [Егоров, 2024]).

Таким образом, диаспорический субъект в произведениях писателей третьей волны не случайно обитает в третьем пространстве. Это пространство порождает метаповествовательное отношение к реальности. Если субъект видит две культуры одновременно, если они существуют между двумя системами смыслов, уместной формой высказывания является та, которая демонстрирует эту амбивалентность, включает саморефлексию в повествование, одновременно утверждает и подвергает сомнению. Метаповествование становится формой деколонизации дискурса в том смысле, что она открывает пространство для высказывания иного, для голоса, который не подчиняется готовым иерархиям значений.

Заключение

Метаповествование подразумевает постоянное внимание к вопросам репрезентации, критику готовых форм дискурса, отказ от наивной веры в возможность адекватного выражения смысла. Исторически

сложилось так, что время третьей волны эмиграции совпадает с закатом оттепели и новым усилением авторитаризма в Советском Союзе. Писателями-эмигрантами третьей волны двигала необходимость творчества без цензуры, желание отстоять право на множественность интерпретаций, противодействие монополии официального дискурса. Писатели сопротивлялись монополии на смысл и его выражение. Метаповествование позволяет провозвести деколонизацию дискурса, оно открывает пространство для другого высказывания, для голоса, не подчиняющегося готовым иерархиям значений. Деколонизация осуществляется не через отказ от речи, а через метанарративное осознание условий высказывания. Метаповествование позволяет писать, зная о своем включении в систему значений, но демонстрируя это включение, критически его осмысливая.

Метатекстуальность прозы русской эмиграции третьей волны не является ни маргинальным явлением в истории литературы, ни простым заимствованием западных постмодернистских приемов. Это фундаментальная форма, в которой субъект диаспоры артикулирует свое собственное существование в условиях отсутствия полной принадлежности к какой-либо единой культурной системе и в эпоху, когда различие между реальностью и ее репрезентацией становится неопределенным и изменчивым. Метанаррация становится способом, с помощью которого может быть артикулирована амбивалентная позиция диаспорического субъекта. Метатекстуальность выступает не просто техническим приемом, а выражением диаспорального сознания, манифестацией способа существования на границе, в промежулке.

Библиографический список

1. Аксенов В. Ожог. Москва : Эксмо, 2011. 640 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. VI. Москва : Языки славянской культуры, 2002. С. 5–300.
3. Войнович В. Москва 2042 // Войнович В. Малое собрание сочинений в 5 тт. Т.3. Москва : Фабула, 1993. С. 5–338.
4. Гидденс, Э. Последствия современности. Москва : Праксис, 2011. 352 с.
5. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. Москва : Академический проект, 2003. 528 с.
6. Делёз Ж. Кафка: за малую литературу / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. Москва : Ин-т общегуманитарных исслед., 2015. 111 с.
7. Довлатов С. Зона. Компромисс. Заповедник. Москва : ПИК, 1991. 354 с.
8. Егоров М. Метаповествовательная техника в прозе В. Н. Войновича 1970-1980-х годов // Верхневолжский филологический вестник. 2024. №4. С. 42–49.
9. Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конец века», 1992. 335 с.

10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Искусство, 1970. 384 с.
11. Матич О. Литература Третьей волны: границы, идеология, язык // Новое литературное обозрение. 2014. № 3. С. 313–338.
12. Синявский А. Диссидентство как личный опыт // Синтаксис. 1985. № 15. С. 131–147.
13. Соколов С. Школа для дураков. Между собакой и волком. Москва : Огонек, Вариант, 1990. С. 7–183.
14. Спивак Г. Ч. Могут ли угнетенные говорить? Москва : V-A-C Press, 2022. 148 с.
15. Терц А. (Синявский А. Д.) Спокойной ночи. Москва : АСТ, 2015. 413 с.
16. Bhabha H. K. The Location of Culture. London, New York : Routledge, 1994. 295 p.
17. Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. Lincoln, London : University of Nebraska Press, 1997. 508 p.
18. Hutcheon L. Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox. London, New York : Routledge, 1991. 196 p.
19. Bertens H. The Idea of the Postmodern: A History. London, New York : Routledge, 1995. 289 p.
20. Spivak G. C. Can the Subaltern Speak? // Colonial Discourse and Post-Colonial Theory. A Reader. London, New York: Routledge, 1994. P. 66–111.
21. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York : Routledge, 1984. 177 p.

Reference list

1. Aksenov V. Ozhog = The Burn. Moskva : Jeksmo, 2011. 640 s.
2. Bahtin M. M. Problemy tvorчества Dostoevskogo = Problems of Dostoevsky's creative work // Bahtin M. M. Sobranie sochinenij. T. VI. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. S. 5–300.
3. Vojnovich V. Moskva 2042 = Moscow 2042 // Vojnovich V. Maloe sobranie sochinenij v 5 tt. T.3. Moskva : Fabula, 1993. S. 5–338.
4. Giddens Je. Posledstvija sovremennosti = The consequences of modern times. Moskva : Praksis, 2011. 352 s.
5. Giddens Je. Ustroenie obshhestva: Oчерk teorii strukturacii = Organization of society: an essay on the theory of structuring. Moskva : Akademicheskij proekt, 2003. 528 s.
6. Deljoz Zh. Kafka: za maluju literaturu = Kafka: for small literature / Zh. Deljoz, F. Gvattari. Moskva : In-t obshhegumanitarnyh issled., 2015. 111 s.
7. Dovlatov S. Zona. Kompromiss. Zapovednik. = The Compromise. The Reserve. Moskva : PIK, 1991. 354 s.
8. Egorov M. Metapovestvovatel'naja tehnika v proze V. N. Vojnovicha 1970–1980-h godov = Meta-narrative technique in V. N. Voinovich's prose of the 1970s-1980s // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2024. №4. S. 42–49.
9. Limonov Je. Jeto ja, Jedichka = It's me, Edichka. Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992. 335 s.
10. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of literary text. Moskva : Iskustvo, 1970. 384 s.

11. Matich O. Literatura Tret'ej volny: granicy, ideologija, jazyk = The Third-wave literature: boundaries, ideology, language // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 3. S. 313–338.
12. Sinjavskij A. Dissidentstvo kak lichnyj opyt = Dissidence as a personal experience // Sintaksis. 1985. № 15. S. 131–147.
13. Sokolov S. Shkola dlja durakov. Mezhdue sobakoj i volkom = A school for fools. Between the dog and the wolf. Moskva : Ogonek, Variant, 1990. S. 7–183.
14. Spivak G. Ch. Mogut li ugnennnye govorit'? = Can the oppressed speak? Moskva : V-A-C Press, 2022. 148 s.
15. Terc A. (Sinjavskij A. D.) Spokojnoj nochi = Good night. Moskva : AST, 2015. 413 s.
16. Bhabha H. K. The Location of Culture. London, New York: Routledge, 1994. 295 p.
17. Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. Lincoln, London : University of Nebraska Press, 1997. 508 p.
18. Hutcheon L. Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox. London, New York : Routledge, 1991. 196 p.
19. Bertens N. The Idea of the Postmodern: A History. London, New York: Routledge, 1995. 289 p.
20. Spivak G. C. Can the Subaltern Speak? // Colonial Discourse and Post-Colonial Theory. A Reader. London, New York : Routledge, 1994. P. 66–111.
21. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York : Routledge, 1984. 177 p.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 12.11.2025.
The article was submitted on 23.09.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication on 12.11.2025